

А. Д. МАТВИЕНКО

ПЕРЕСТРОЙКА И ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ

МАТВИЕНКО Анатолий Данилович — кандидат философских наук, преподаватель Всесоюзного ИПК МВД СССР. В нашем журнале публикуется впервые.

Ускорение перестройки предполагает следующую дилемму: чтобы лучше жить, надо лучше работать, но чтобы лучше работать, надо лучше жить... Ныне человек уже не хочет связывать свое благополучие лишь с отдаленным будущим, тем более, что настоящее его совершенно не удовлетворяет; условия, в которых он живет и работает, система поощрения, способы реализации принципа социальной справедливости не способствуют стимулированию труда. Социальные же ожидания и притязания людей стали более конкретными.

Процесс перестройки — диалектический процесс. Он затрагивает са-

мые глубинные пласты бытия и сознания людей, но развивается неравномерно, ибо общественное сознание явно опережает общественное бытие (в плане осмысления и принятия социально-нравственных идеалов). Последнее же отстает, углубляя существующий с застойного периода разрыв между словом и делом, т. к. идеалы становятся более привлекательными, живыми, «неформально» включенными в структуру ценностных ориентации личности, а социальная реальность ухудшается по многим показателям: инфляция, дефицит, забастовки, межнациональные конфликты, рост преступности, центробежные настроения в ряде союзных республик. Вот почему перестройка как общественного, так и индивидуального сознания невозможна «сама по себе», вне органического единства с деятельностью, с преобразованием всей совокупности общественных отношений (это было бы «просветительством»). Чрезмерный «нажим на сознательность», особенно сугубо административно-идеологическими методами, мало что может дать положительного, напротив, скорее приведет к результату со «знаком минус» — неприятию насаждаемых ценностей, усилению скепсиса, внутреннему противоборству, нигилизму. В то же время, обладая относительной независимостью от общественного бытия, наделенное активным началом, сознание должно укрепляться в данном качестве. Без этого не бывает революции, не бывает существенных сдвигов и преобразований в экономике, социальной сфере, во всей системе человеческих взаимосвязей.

На наш взгляд, с углублением перестройки, прежде всего, остро встает проблема переоценки ценностей, главным образом, нравственных, в которых так или иначе аккумулированы политические, правовые, эстетические, атеистические, религиозные и иные представления. Ведь мораль не имеет своей локализованной сферы общественных отношений и своих собственных институтов, она «пронизывает» все общественные отношения и формы сознания, составляя ядро духовных ценностей.

В ценностях и нормах морали в преобразованном виде сосредоточена вся социальная практика; мораль весьма гибко реагирует на ее изменения и направленность. Вместе с тем как раз она служит одним из мощнейших регуляторов социального действия, поскольку в отличие, например, от политики и права, регулирует поведение людей не опосредованно, а непосредственно, причем во всех без исключения сферах. По этой причине мораль выступает в качестве практической силы, способной существенно влиять на поступки человека. К глубокому сожалению, общественные науки не поспевают за развитием социальной практики и оттого не предложено пока концепции переоценки нравственных ценностей в связи с перестройкой.

Сегодня наблюдается пестрая картина моральных представлений и тенденций их развития. Происходящий в атмосфере демократизации общества процесс нравственного обновления нужно исследовать. Если же начать его регулировать «по деталям», страхуя от малейших отклонений «вправо» или «влево», то можно только еще больше потерять доверие масс. Вполне закономерно в нашей нынешней действительности, что душа народа жадно ищет реальных путей очищения, пытается освободиться от ненужного, догматичного, косного, мешающего перестройке. Иногда этот поиск приводит к крайностям в оценках. Сейчас, когда очень многое подвергается скепсису, пересмотру, все должно получить свою новую оценку естественным путем (а не посредством внедрения), войти в народную толщу, обрести широкую поддержку в стране.

Для переосмысления нравственных ценностей существенно не насаждение идеологической дисциплины, но сопоставление различных позиций. Социально-нравственный опыт, пришедший из застойных времен и «опаленный» перестройкой, в немалой мере насыщен такими явлениями, как

нигилизм, излишний прагматизм, заземленность обывателя, с одной стороны, и верность принципам «любой ценой» — с другой. И то, и другое является серьезным отклонением от реалистического подхода к решению социальных проблем: первое вызвано утратой личностью общественных интересов, второе ориентировано на идеалы, деформированные эпохой сталинизма и застоя. Подлинные социально-нравственные ценности предстоит возродить с учетом конкретно-исторической социальной практики. Экономические преобразования, демократизация, правовая реформа нацелены на то, чтобы покончить с отчуждением от собственности, от власти, от своей социальной группы. Во многом эти составные части общественно-практической деятельности призваны заложить структурные компоненты целостной личности, ее моральной надежности. Такова в общей форме постановка вопроса, имеющая принципиально важное значение.

Хозрасчет, самофинансирование и самокупаемость, самоуправление, социалистический плюрализм, правовые гарантии жизнедеятельности общества направлены на создание объективных условий нравственной суверенности и целостности человека, обеспечивающих его моральную устойчивость, творческую инициативу и ответственность в решении социальных задач. Продвижение именно по этому пути позволяет понять сущность новой морали, отвечающей требованиям эпохи, освоить те экономические, политические и социальные рычаги, с помощью которых формируются пробуждающиеся моральные ценности, определить перспективы их развития.

На каких принципах формировалось нравственное сознание советского человека? В знаменитой речи на III съезде РКСМ «Задачи союзов молодежи» В. И. Ленин говорил «Нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов... Коммунистическая нравственность это та, которая служит этой борьбе». И еще: «Классовая борьба продолжается, и наша задача подчинить все интересы этой борьбе. И мы свою нравственность коммунистическую этой задаче подчиняем» [1, с. 311]. Нет ли здесь утилитаризма, идеи подчинения цели любых средств, призыва к использованию этих средств? Нет ли здесь полного растворения морали в политике? Обратимся к другой ленинской работе. «Не зависит ли,— читаем мы,— оценка того, хорошо или дурно я поступаю, приобретая оружие у разбойника, от цели и назначения этого оружия? От употребления его в нечестивой и подлой или в справедливой и честной войне?..» [2, с. 364]. В данном случае политика (политическая цель) доминирует над моралью, однако мораль занимает самостоятельное, хотя и подчиненное положение. Диалектика такова: цель определяет средства. Сравним, у Маккиавелли — цель оправдывает средства. Вот где роль морали уже сведена к нулю, поскольку для достижения важных политических целей любые средства считаются хорошими.

Совершенно однозначно понимал соотношение цели и средств Ф. М. Достоевский. По его разумению, благородная цель должна достигаться сугубо моральными средствами. Даже высшая гармония Вселенной, считал он, не стоит слезинки хотя бы одного только замученного ребенка [3, с. 222—223]. Родственную позицию разделял Л. Н. Толстой, исповедовавший философию непротивления злу насилием. Их абстрактный гуманизм — гуманизм высочайшего свойства, но все же абстрактный — оказался нежизнеспособным и был сведен впоследствии к морализаторству. Тут политика, по сути, отвергается вообще, уступая место морали.

В любой деятельности важно вычленить собственно нравственный мотив, увидеть роль, которую он играет, определяя и направляя поступки.

При этом одна из крайностей — «морализующий» подход, т. е. оторванное от живой жизни соблюдение морали во имя самой морали. Казалось бы, все правильно — главное последовательно проводить в жизнь нравственные принципы. Но в действительности дело обстоит куда сложнее. На практике мораль не всегда совпадает (точнее сказать, никогда не совпадает) с нравственными принципами, взятыми в чистом виде. Нравственный выбор идет не по простой схеме «добро — зло», а предполагает учет очень многих конкретных для каждой ситуации обстоятельств. Безнравственна погоня за результатом любой ценой. Однако нравственна ли «неуязвимая» позиция, которая не приводит к практическому действию потому, что средства в моральном плане кажутся не вполне «идеальными»? Нет, безнравственна. Сколь бы высоконравственными не были принципы, сами по себе они ничего не стоят. Человек, не действующий практически, не может считаться моральным, какие бы «прекрасные порывы» не испытывала его душа. Именно поэтому так важны самостоятельность нравственного выбора, ответственность за совершенные поступки. Иначе невозможны демократизация, самоуправление, перестройка. Чтобы верно оценить поступок, нужно учесть моральную ценность и мотива, и результата, установив их реальное взаимоотношение. Политика — это и есть инструмент, воплощающий нравственные ценности общества в жизнь. Политика и мораль, следовательно, тесно взаимосвязаны через формулу «цель определяет средства». Но сама формула во многом нуждается в уточнении, конкретизации. Так, например, до конца ли осмыслена нашим нравственным сознанием казнь царской фамилии в Екатеринбурге вскоре после революции? Или это должно быть вынесено на суд истории, поскольку речь идет о расстреле не только взрослых, но и несовершеннолетних! О жестокостях сталинизма написано очень много. Достаточно вспомнить, что уголовная ответственность в самых суровых ее вариантах вплоть до смертной казни (особенно за «политические преступления») распространялась на детей, начиная с 12 лет.

Сейчас общественность задается вопросом, не являлись ли аморальными распространенные в 1905—1907 гг. принудительные изъятия оружия, боеприпасов, денежных и других средств на нужды революции, а также уничтожение некоторых начальников полицейской службы, шпионов правительства в революционных организациях. Проще говоря, не означает ли сие, что можно признать допустимым применение уголовных методов в политике? Подобные методы, по мнению В. И. Ленина, неизбежны, сами же рассуждения о средствах моральных и аморальных в политике в период революции являются «оппортунистическими». На IV съезде РСДРП (1906 г.) меньшевики и часть большевиков высказались против этих методов, предложение ленинцев об их использовании не прошло. На V съезде РСДРП (1907 г.) снова разгорается спор о «моральной философии» революции; большинство — за резолюцию меньшевиков о запрещении экспроприации, роспуске всех специальных боевых дружин. Ленин и группа большевиков голосовали против. Экспроприации не были полностью прекращены [4]. Всесторонняя оценка этих фактов пока еще нашим обществом не дана. Проблема сводится по сути к определению границы между допустимым и недопустимым в формуле «цель определяет средства», между политикой и моралью с тем, чтобы воспрепятствовать проникновению утилитарных, антигуманных методов в политическую практику.

Утилитарный подход привел к ситуации, когда во второй половине двадцатых годов мораль была «заидеологизирована» и полностью сведена к политике. В результате ослаб и постепенно умолк голос совести. Считалось, что моральные нормы незачем применять по отношению к рас-

кулаченным, репрессированным, уголовным элементам; моральные отношения дружбы, личной симпатии, родительской и сыновьей любви и привязанности объявлялись лишенными самостоятельной нравственной ценности, всецело подчинялись интересам политики партии и государства.

Мораль трактовалась как орудие буржуазии, используемое для духовного закабаления масс, отождествлялась с отчужденными от индивида социальными нормами и ценностями. В конце концов это вылилось в так называемый «этический негативизм» и политизацию всего общественного организма. Государственному и социальному регулированию и контролю подверглись буквально все сферы жизни. К примеру, подводя итоги смотра работы одной из фабричных ячеек союзной молодежи, «Комсомольская правда» писала в 1928 г.: «Через десятских по общежитиям, через работающих в жилтовариществах должен проводиться общественный контроль за личной жизнью» [5, с. 15].

Однoboкo развитое политическое сознание, питаемые им воля и энергия масс были затем использованы как благодатная почва для оправдания и разжигания страстей, направленных против «врагов народа», для массовых необоснованных репрессий, организованных Сталиным и его окружением. Впрочем, отзвуки тех времен в той или иной форме достигают наших дней. Так, до сих пор еще действует статья об уголовном наказании близких родственников за укрывательство от правосудия лиц, совершивших преступление. Подобного нет в уголовных кодексах других стран, ибо столь уж антигуманен, противоестественен характер данной правовой нормы!

Перед обществом стоит задача очистить мораль от чрезмерной политизации, выработать нравственную культуру на основе реальных общественных отношений. В результате обогатится и сама политика.

Определение меры в философско-социологическом ее понимании — вот что особенно важно на первом этапе научного решения этой задачи. Причем необходимы подробное рассмотрение и анализ не только послеоктябрьского периода, как делается сейчас, но и всей истории государства Российского, исследование его «особого» пути, традиций, диалектики взаимодействия государственных и гражданских институтов общества, специфики общественного сознания и самосознания. Можно предположить, что все это позитивно скажется и на социальной практике, и на формах ее отражения в структурах морали. Философия, культура, нравственность не могут быть жестко нормативными системами; важнейшую роль здесь играет ценностный аспект, борьба противоположностей (альтернатив) как источник самодвижения, саморазвития этих систем.

Очень интересную мысль развивает в данной связи профессор М. П. Капустин. У культуры, как и у мозга, считает ученый, есть своя «функциональная асимметрия», которая отвечает всеобщему принципу дополнительности, «а именно: материальное дополняется идеальным... мышление — верованиями, понятия — образами, рациональное — иррациональным, политика — культурой и т. д.». Если этого дополнения нет, работает лишь «одно полушарие», и тогда левое действует в ритме, типичном для «бюрократического мышления», принимающего функцию бумажной логики за действительность [6]. Словом, вместо одностороннего «ополитизированного» мышления и созданной на его основе культуры должна естественным образом развиваться культура, основанная на плюрализме различных ценностных ориентации. Культура (и мораль как одна из ее составных частей) существует в виде саморегулирующейся системы, имеющей важнейшие атрибуты — самосохранение и саморазвитие. Их проявление осуществляется посредством аккумуляции системой (ее управляющими органами) необходимой и достаточной информации о том, что происходит в среде, с которой система взаимодействует,

и о том, что происходит в ней самой. Это — сознание и самосознание культуры. Первое поставляет ей информацию о внешнем мире — природе и обществе, во втором рефлегируется она сама; так получают выражение каждое ее историческое состояние и изменение [7. с. 27]. Для определения тенденции изменения необходимо вычлнить ведущие социально-нравственные ценности, выявить характер их целостности и системную организацию.

Почему же все-таки нужна новая мораль? Эта потребность обусловлена самими социальными процессами, вызванными к жизни перестройкой. Экономика и социальная практика периода экстенсивного пути развития привели к тому, что человек полностью «растворился» в производственных отношениях, и системе вырастающих из них социальных структур, превратился в «винтик» производства, стал придатком вещественных элементов производительных сил. Оттого творческие и нравственно-психологические потенции не развивались, а подавлялись, что, в свою очередь, порождало негативные, антиобщественные явления, нравственные пороки, отчуждение личности. Следовательно, перестройка всех сторон жизнедеятельности общества невозможна без наполнения новым содержанием целого ряда моральных ценностей, которые, закрепившись в привычные нормы и принципы поведения, стали консервативными стереотипами, во многом чуждыми самой человеческой природе, его социальной сущности и назначению. Они препятствуют раскрытию новых, экономических, политических, социальных тенденций.

Прежде чем выступить в качестве ценностного регулятора перестройки, система морали нуждается в глубоком переосмыслении, соответствующем духу времени. Оно осуществляется через различные формы социальной организации людей, выражаясь в идеологии, политике, общественной психологии. Всестороннее изучение механизмов этого процесса может послужить выработке методологической основы всей проблематики, связанной с переоценкой наших нравственных ценностей.

Так, например, преодоление огосударствления ряда сфер жизни гражданского общества способствует активизации его функций и, соответственно, появлению новых инструментов социальной регуляции. Речь идет, прежде всего, о таких явлениях базисного характера, как развитие арендных отношений, коллективного и семейного подряда, кооперативных форм производства и услуг, индивидуальной трудовой деятельности. Формируясь на основе общественных потребностей, без диктата «сверху», они нуждаются в соответствующих политических и моральных регуляторах, которые бы адекватно отражали эти потребности, гармонизируя их с нашими приоритетными социально-политическими и нравственными ценностями, целями, идеалами. В первую очередь необходимо преодолеть отчуждение людей от средств производства и результатов своего собственного труда. Отчуждение порождает общественную апатию и пессимизм, порой оно выливается в социальную агрессивность по отношению к людям другой национальности, другой социальной группы и т. д.

Обращение к социально-нравственному идеалу, причем намного более глубокое, содержательное и плюралистичное, чем это практиковалось раньше, служит альтернативой негативным явлениям общественно-экономической реальности. Его не следует, однако, сводить к одной лишь коррекции настоящего, это способно привести к отрыву должного от сущего, к социальной утопии; вместе с тем нельзя их также и отождествлять. Переход от идеала к действительности осуществляется уже в самом процессе воплощения исторической необходимости. Ценностная ориентация на идеал требует постоянного соотнесения принимаемого решения с системой нравственных ценностей, сложившихся в сознании человека. Управление поведением с помощью социально-нравственного идеала обес-

печивает значительную автономию сознания от условий бытия, сугубо утилитарных потребностей.

Смысл нравственного воспитания — это привитие личности глубокого внутреннего побуждения к моральному поведению. Оно не обусловлено никакими мотивами, кроме неодолимой нравственной потребности, и в этом его огромный регулятивный потенциал. Здесь уместно привести слова К. Маркса: «...идеи же, которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть,— это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им» [8, с. 118]. Нравственная потребность, будучи неразрывно связанной с особым эмоциональным состоянием, становится противодействующей силой сугубо утилитарным потребностям. Истинно моральное поведение бескорыстно, оно выступает как самодостаточная ценность и осуществляется на основе личностного выбора. В настоящее время перестройке нужна в первую очередь моральная поддержка со стороны всего народа. Нецелесообразно, на наш взгляд, механически стремиться к большей политизации масс, призывы к чему мы часто слышим от идеологических работников. Это не повысит уровень сознательности, но скорее всего вызовет сопротивление со стороны нравственного сознания.

Большую роль призвано сыграть новое осмысление концептуальных подходов к решению проблем нравственности. Переоценка самого содержания основных этических категорий и понятий крайне важна для перестроечных процессов, ибо, как верно замечено, признав и много раз повторив, что нашей целью является человек, мы на этом признании и остановились [9, с. 61]. Человек есть прежде всего подлинный творец морали, изначальная ценность и конечная цель функционирования моральной системы. Особое значение имеет в этой связи идеологическая функция нравственного сознания, которая до недавнего времени рассматривалась как бы вне основной проблематики марксистско-ленинской этики. На самом же деле именно ей принадлежит ведущая ценностно-ориентирующая линия. Ее необходимо научно раскрыть, так же как и выяснить пути и способы реализации идеологического потенциала морали в ходе перестройки. Идеологическая функция должна не со стороны привноситься в этику, которой отводилось пропагандистское назначение, а изнутри, естественным образом пронизывать весь категориальный аппарат, т. е. речь идет об идеологическом уровне нравственного сознания и его ценностных моделей.

Только комплексный подход к переоценке нравственных ценностей, взятых в органическом единстве с развитием социальных процессов, осуществляемый такими науками, как философия, социология, этика, эстетика, социальная психология, культурология, история, может обеспечить реализацию поистине благородного замысла гуманизировать всю окружающую нас социальную среду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 41.
2. Ленин В. Я. Там же. Т. 35.
3. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы//Поли. собр. соч. в 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976.
4. Блинов Л. Экспроприация и революция // Аргументы и факты. 1989. № 30.
5. Тернистый путь общечеловеческой морали // Политич. образование. 1989. № 10.
6. Капустин М. П. Однополушарное мышление. Какими нам быть завтра?//Лит. газ. 1989. 14 июня.
7. Каган М. С, Холостова Т. В. Культура - философия - искусство. М.: Знание, 1988.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1.
9. Чебанов В. К возвышению человека // Коммунист. М., 1989. № 11.